

Цена угля

**Влияние добычи угля в России
на окружающую среду,
местные сообщества
и коренные народы**

Введение

«Уголь лежит, его надо взять», — так считают власти и угольная промышленность Кемеровской области. Чаще этот регион называют Кузбасс, сокращая длинное Кузнецкий угольный бассейн.

Здесь середина России, ее угольное сердце: четыре часа лета от Москвы. Во все европейские столицы лететь ближе, разве что в далекий Лиссабон или Барселону примерно столько же.

Если вы не прилетите в Кузбасс, вы ничего не узнаете. Да, угольное производство грязное — это известный факт, а угольные ТЭЦ выбрасывают в атмосферу тонны CO₂, провоцируя глобальное потепление.

У жителей Кузбасса под окнами ведется разработка карьеров открытым способом, громяют многотонные самосвалы, растут горы из отвальной породы, а дома разрушаются от взрывных работ при добыче угля. Угольная пыль загрязняет воздух и реки, плодородные почвы уничтожаются.

Об этих проблемах невозможно узнать, не поездив по окрестностям Новокузнецка. Чтобы вернуться и рассказать о Кузбассе, журналисту нужны четыре часа в самолете и месяц работы, а плохие новости о нарушении экологических прав в Кемеровской области не долетят до Москвы никогда.

Они скрыты за необходимостью добывать уголь, которой оправдываются любые действия угольной промышленности.

Официальная статистика подтверждает загрязненность воздуха, воды, почв, высокую заболеваемость и смертность населения. Однако в конкретных случаях местные власти и контролирующие органы предпочитают не разбираться.

В этом докладе наряду с данными, которые отражают состояние окружающей среды в Кузбассе, представлены интервью с теми, кто пострадал от разработки угля, но не может получить подтверждение этому и компенсацию в полном размере.

Мы надеемся, что за каждой цифрой официальных данных вы увидите судьбы людей, которые живут в Кузбассе и пытаются отстаивать свои права.

ЦЕНА УГЛЯ
Экозащита! 2015-2016

Текст: Наталья Парамонова
Редактура: Владимир Сливяк, Галина Рагузина
Корректура: Галина Рагузина
Особая благодарность за уточнения: Антон Лементуев

При поддержке Фонда им. Генриха Белля, Посольства Франции в Москве

Дополнительная информация:
Экозащита! - тел. +7 903 2997584
e-mail: ecodefense@gmail.com
<http://ecodefense.ru>

Угольные цифры

Кузбасс, или Кузнецкий угольный бассейн, — крупнейший угольный бассейн в России. Всех запасов угля здесь хватит, чтобы нагрузить поезд от Земли до Солнца.

На долю региона приходится 59% всего угля, добываемого в России. Кузбасское сырье составляет 76% всего объема экспортируемого угля.

В настоящее время в Кузбассе действуют 120 угледобывающих предприятий (66 шахт и 54 разрезов) и 52 обогатительные фабрики и установки. В 2014 году угольщики Кузбасса добыли почти 211 млн тонн угля, что стало очередным рекордом угледобычи.¹ В 2012 году — 201,4 млн тонн угля, в 2013 году — 202,7 млн тонн угля в год.²

Энергетическая стратегия России предусматривает увеличение добычи угля до 224 миллионов тонн угля в год.³ По добыче угля Кузбасс бьет рекорды, объемы выросли даже по сравнению с показателями Советского Союза.

Между тем, Кемеровская область — одна из самых неблагоприятных с экологической точки зрения областей России. И вот здесь рекордов гораздо больше.

Область лидирует среди регионов РФ по объему отходов производства и потребления на душу населения и на единицу внутреннего регионального продукта. На каждого жителя области приходится 984 тонны отходов ежегодно.

Кузбасс занимает второе после Московской области место по доле нарушенных земель, изъятых из продуктивного оборота. Это значит, что плодородные земли уничтожаются при разработке карьеров. При этом тонна угля добывается один раз и более не восстанавливается, а плодородная почва может многократно использоваться в сельском хозяйстве.

По словам доктора биологических наук, регионального координатора проекта ПРООН-ГЭФ «Задачи сохранения биоразнообразия в политике и программах развития энергетического сектора России» Юрия Манакова, площади нарушенных земель составляют около 20% от заселенной территории, то есть площади Кузнецкой котловины. По нашим подсчетам, площадь угольных разработок составляет около 6 тыс. кв.км.

Однако точных данных нет, потому что нет учета выбытия земель из оборота. К тому же, карьеры норовят снова отдать отработанные земли на баланс лесничеств для проведения рекультивации. При отсутствии единого реестра проводить статистические расчеты крайне сложно. В рамках проекта ПРООН эксперты пытаются собрать данные на основе спутниковых снимков, но пока работа не закончена.

Официальная статистика утверждает, что в настоящее время нарушено около 650 квадратных километров земель, в то время как площадь Кемеровской области — 95 тысяч квадратных километров. Нарушенные земли составляют менее 1% Кузбасса. Можно не думать о такой маленькой цифре, правда? Как и о повышении глобальной температуры на Земле на 2 градуса — это же так мало?

Между тем, основные города области — Новокузнецк, Кемерово, Киселевск, Прокопьевск, Белово и Междуреченск — занимают немногим более 1600 квадратных километров. Получается, что поблизости от этих городов земля, по площади равная почти половине этих населенных пунктов, разрушена деятельностью по добыче угля.

Теперь уточним, что такая небольшая в масштабах страны территория, занятая разработкой угля, занимает пятое место в России по выбросам в атмосферу на единицу площади (163,6 тонны на тысячу гектаров).

Официальная позиция

Заместитель губернатора по природным ресурсам и экологии Нина Вашлаева презентовала книгу «Экология Кузбасса, цифры, факты, события». Это анализ экологической ситуации в регионе за последние 15 лет. Главный вывод — она меняется к лучшему. Почти в четыре раза сократились выбросы в атмосферу, на 40% уменьшился сброс сточных вод, закрыто 460 старых котельных. В Томи появились хариус и таймень, а численность лося выросла вдвое. В планах на этот год — аллеи к 9 мая, участие во всероссийской акции «Сирень Победы».⁴

Динамика населения Кемеровской области⁶

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Всего	2893	2862	2833	2806	2786	2780	2776	2773	2761	2751	2742	2734
Города	2508	2783	2410	2390	2374	2369	2367	2365	2357	2351	2345	2340
Деревни	385	379	423	417	412	411	410	409	404	400	400	394

Однако экологическим показателям Кузбасса доверять сложно; они, как минимум, неполны. Согласно рейтингу регионов России по прозрачности бизнеса⁵, составляемому негосударственным информационным агентством Интерфакс, в 2014 году только чуть более 50% предприятий региона предоставило данные о своих экологических показателях.

Антирекорды Кемеровской области в основном связаны с экологическими проблемами, которые, в свою очередь, непосредственно влияют на качество жизни населения региона. Моноэкономика, завязанная только на угле, и низкое качество жизни приводят к оттоку людей из Кузбасса.

Экология и здоровье населения

Насколько Кемеровская область неблагоприятна для проживания, демонстрирует официальная статистика. Она отражает цену, которую платят государство и люди за возможность добывать уголь.

Ожидаемая продолжительность жизни среднестатистического кемеровчанина на 3-4 года меньше, чем у россиян в среднем, в том числе из-за экологических проблем. Заболеваемость туберкулезом в области превышает средний уровень по России в 1,7 раза.

Психические расстройства среди детей случаются в области в 1,8 раза чаще, а умственно отсталых детей рождается в области в 2,4 раза больше, чем в среднем по России.

Область на первом (2011 г.) и втором (2012 г.) месте в России по уровню заболеваемости детским церебральным параличом. Уровень 15 онкологических заболеваний в области выше среднего по России (по семи – выше среднего по Сибирскому федеральному округу).

Официальная позиция

Заместитель главного врача Кемеровского областного клинического онкологического диспансера Наталья Силинская не связывает проблемы здоровья населения с неблагоприятной экологической обстановкой: «Вряд ли у нас в Кузбассе существуют какие-либо отличия от других регионов России. Как и везде, в нашей области ежегодно растёт заболеваемость раком: за 10 лет прирост злокачественных образований составил 11 процентов. Каждый год у 10 тысяч кузбассовцев диагностируется рак, сейчас на учёте состоит 50 тысяч онкологических больных. Больше всего кузбассовцев погибают от сердечно-сосудистых заболеваний и травм, рак – на третьем месте по смертности.

По распространённости сейчас на первом месте рак молочной железы, на втором – рак лёгкого, на третьем – рак кожи. Растет заболеваемость раком толстого кишечника и прямой кишки, вместе они вышли бы на третье место. При этом снижаются случаи заболеваемости раком лёгкого и раком желудка».⁷

Область занимает первое место по Сибирскому федеральному округу по распространённости острого инфаркта, а также по доле новорожденных с врожденными пороками развития. Аномалии системы кровообращения у младенцев встречаются в 1,6 раза чаще среднего по России показателя, и по аномалиям женской половой системы – в 3,3 раза чаще.

Кузбасс – единственный в Сибири регион, где дети в два-три раза чаще страдают инфекционными и паразитарными болезнями: по России на 100 тысяч человек приходится 998 заболевших, а в Кузбассе – от 2,4 до 3,2 тысячи человек.

Риск массовой неинфекционной заболеваемости детей, связанный с воздействием загрязнения атмосферного воздуха взвешенными веществами, формальдегидом, окислами азота, по классу болезней органов дыхания сформировался в половине субъектов РФ, в том числе в Кузбассе.

По официальным данным, в Кемеровской области только три человека из ста имеют удовлетворительные условия проживания.

Кроме того, здесь отмечены самые высокие показатели профессиональной заболеваемости. Причем за последние два года показатель области вырос почти на 5%.

Здоровье населения – это не только следствие добычи угля, а комплексная проблема региона, где по населенным пунктам текут грязные реки, воздух содержит угольные частицы, которые потом оседают на почву. Кроме угольной пыли, воздух Кузбасса отравляют промышленные предприятия, большинство из которых построено 50-х годах прошлого века. Их модернизация сравнима по затратам с постройкой новых предприятий.

Все это противоречит конституционному праву каждого гражданина России на доступ к благоприятной экологической среде. Благоприятность среды обитания в Кузбассе можно оценить по показателям загрязненности воды, почвы и воздуха, предоставляемым официальной статистикой.

Вода

Кемеровская область насыщена пресной водой. Здесь течет множество крупных рек, а под землей находятся водоносные горизонты. Реки Кузбасса принадлежат к бассейну Верхней Оби, общий объем поверхностного стока которого составляет 34 куб. км, или 67% от всего стока сибирских рек.

По территории Кемеровской области протекает более 32 тысяч рек общей протяженностью 76,5 тысячи километров; 6 рек протекают по территории двух и более субъектов Российской Федерации — Томь, Иня, Кия, Яя, Чулым, Чумыш.

В области находится 850 озер суммарной площадью (вместе с речными старицами) 101 кв. км, что составляет 0,1% от всей площади Кузбасса — 95,7 тысячи кв. км.

Самая большая река Кузбасса, Томь, загрязнена на всем своем протяжении. В районе Кемерова ей присвоен статус «слабо загрязненной», в Новокузнецке она «очень загрязненная», выше Новокузнецка и в Междуреченске — «загрязненная».

Река загрязнена нефтепродуктами, фенолами, азотом нитритным, азотом аммонийным, железом, марганцем и медью. Обычным явлением считается превышение нормальных концентраций этих веществ в реке в несколько раз.

Крайне негативное влияние на качество воды в Томе оказывают два ее притока Аба и Ускат. Обим рекам Росприроднадзор присвоил категорию «грязная».

Абе «повезло», она своеобразный индикатор здоровья окружающей среды региона. Аба берет начало рядом с Киселевском, окруженным угольными разрезами, далее течет по промышленным и добывающим городам Прокопьевску и Новокузнецку. Когда Аба впадает в Томь, она уже насыщена неочищенными стоками предприятий и городской канализации.

Река Иня также «очень загрязнена», в основном железом и органикой. В Беловском водохранилище отмечается превышение содержания марганца, железа и органических веществ.

Реки севера области — Кия, Яя, Тяжин, Барзас, Алчедат — загрязнены железом, нефтепродуктами, органическими соединениями и соединениями азота.

Из рассказов местных жителей: *«Я живу в Новокузнецке. Моя дача находится в деревне Чичербаево Новокузнецкого района, где протекает река Ускат, которая впадает в Томь. За последние 5 лет в результате деятельности угледобывающих организаций река сильно обмельчала, вода в реке имеет резкий запах нефтепродуктов, берега сильно заросли камышом. Дети многих деревень (Чичербаево, Красулино, Иганино, Пашкино) в летнюю жару вынуждены купаться в Ускате, который очень сложно назвать рекой. Последний вопиющий случай произошел весной 2015 года, когда в результате схода отвала вскрышных пород, образовавшихся в процессе деятельности ОАО «СУЭК-Кузбасс» ПЕ «Разрез Заречный», Ускат стал глиняным потоком оранжевого цвета с резким запахом дизельного топлива. Я полагаю, что никому нет дела до нашей реки. Глиняным потоком забил все родники, река мельчает на глазах, уже во многих местах её можно перейти, не замочив колени, а ведь когда-то она была полноводной рекой. Очень бы хотелось, чтобы виновные организации ответили за свои ошибки и помогли в расчистке русла реки. Без этих мероприятий реке грозит гибель».*⁸

Росприроднадзор рапортует о ремонте очистных сооружений, установке дополнительных фильтров и о деньгах, перечисленных на водоохранные мероприятия из федерального бюджета.

Из рассказов очевидцев: *«По Томе, в районе Мрассу в огромных количествах плавёт мёртвая рыба. Её прибывает к берегу. Кто-нибудь в курсе? Что-то где-то сбросили в реки?» — «В районе впадения Мрассу в Томь? Жители деревни Устье-Мрасс периодически замечают такое явление на своём отрезке реки (пару раз за лето). В такие моменты вода в реке становится угольного цвета».*⁹

Из разговоров с жителями: *«Ну, допустим, у нас рядом с дачами есть пруд, и там купаются. Только когда вылезешь из воды, оказываешься будто покрытым темными частицами. Они немного маслянисты. В принципе, смываются нормально».*

Местные водоемы действительно загрязнены угольной пылью. Ею загрязнена и главная река Кемеровской области — Томь. По рассказам старых жителей города Кузнецка, раньше в реке водилось много рыбы, а сейчас в основном встречается один вид — шахтерик. Это местное название, данное мелкому ротану за то, что может жить в воде, полной угля и химических примесей.

Роспотребнадзор отмечает, что санитарное неблагополучие источников водоснабжения в основном связано с отсутствием зон санитарной охраны и/или несоблюдением требований к их организации и эксплуатации.

Специалисты Роспотребнадзора также отмечают, что содержание нитратов в питьевой воде Кемеровской области повышают риск заболеваний крови, сердечно-сосудистых заболеваний у детей и взрослых.¹⁰

93,8% источников питьевой воды в Кузбассе не соответствуют нормативам.

Почва и шум

Уровень содержания химических элементов в почвах поселков и городов, которые расположены в непосредственной близости от шахт и перерабатывающих предприятий, превышает средние по стране показатели. Это данные официальной статистики. Она же подтверждает, что за последние два года число опасных проб, а значит и загрязненных почв, выросло на 20%.

Кроме того, содержание микроорганизмов и паразитов в почвах Кемеровской области также превышает средние по России показатели.

Доля проб почв, превышающих гигиенические нормативы, составляет 8,9% по санитарно-химическим и 7,9% по микробиологическим показателям.

Из рассказов местных жителей, поселок Казас: «Разработки ведутся в ста метрах. Когда начали взрывать, вся пыль полетела к нам на огороды. Овощи покрыты пылью, ее и отмыть-то нельзя. Я же не враг себе что-то теперь с этого огорода есть».

Согласно данным Роспотребнадзора, в 2013 году наибольший удельный вес промышленных предприятий, не отвечающих санитарно-эпидемиологическим требованиям по уровню шума, отмечен, в том числе, и в Кемеровской области. Здесь шумят более 50% предприятий.

Но никто не считал шум от огромных, грохочущих по дорогам области самосвалов. Пока они остаются самым используемым способом транспортировки угля. Кроме шума, перевозка угля способствует увеличению концентрации мелких частиц пыли в воздухе.

Кроме самосвалов, которые создают фоновый шум, есть еще взрывы. По свидетельствам местных жителей, здесь грохочет так, что стены трясутся.

Рассказывает жительница деревни Березово: «У нас как рванули, и грохот раздался. Внук испугался, прибежал ко мне и спрашивает: «Бабушка, а это что такое?» Тут дед нашелся и отвечает: «Гром». А он опять: «А почему дождя нет?» Что я ему должна сказать, что у нас тут взрывают рядом? Шум ужасный стоит и пыль».

Из рассказов местных жителей: «Формально шуметь нельзя. Есть санитарные нормы, но фактически на них никто не обращает внимание. Ну, пожалуемся мы, вызовем службу и что. Работы по измерению шумов от карьеров, объемов выбросов пыли и загрязнения вод проводятся с тем, чтобы доказать нормальность происходящего. Специалисты приезжают, когда добывающие работы приостановлены, и выдают результаты, которые не соответствуют реальным условиям жизни».

По словам местных активистов, бывают случаи, когда специалисты сами предупреждают предприятия о своем приезде заблаговременно.

Воздух

Ответственное за мониторинг состояния воздуха ведомство — Росприроднадзор — само признает, что существующей сети станций экологического мониторинга недостаточно. Отсутствуют данные по воздуху основных городов обласфти - Белово, Ленинск-Кузнецкий, Междуреченск, Мыски, Польшаево, Осинники.

Между тем, основная заселенная территория Кемеровской области расположена в котловине, поэтому вредные вещества от любых производств не рассеиваются и не уносятся ветром, а оседают здесь же, образуя фотохимический смог.

Отсутствие объективной картины о состоянии атмосферного воздуха нарушает конституционное право россиянина на доступ к достоверной информации о состоянии окружающей среды.

Какая же информация все-таки есть? По данным Кемеровского ЦГМС¹¹, в 2014 году в Новокузнецке наблюдался очень высокий уровень загрязнения воздуха, в Кемерове — высокий, в Прокопьевске — повышенный.

Очень высокий, высокий и повышенный уровни загрязнения атмосферного воздуха главным образом связаны с высокими концентрациями бензопирена, диоксида азота в городах Кемерове и Прокопьевске, бензопирена — в городе Новокузнецке.

По оценкам врачей, такая насыщенность воздуха городов вредными химическими соединениями и пылью создает условия, когда люди постоянно дышат отравленным воздухом. Такая хроническая интоксикация безусловно повышает риск заболеваний у жителей городов.

По расчетам специалистов¹², наибольший вклад в риск хронической интоксикации вносит окись углерода (77,4%), достаточно существенна доля взвешенных веществ (пыли) — 15,0%, двуокись азота — 3%, их суммарный вклад составляет 95,4%.

Характерное для Кузбасса явление — выпадение черного снега — наглядно демонстрирует уровень загрязненности атмосферного воздуха. Снег в городах Кузбасса содержит соединения серы, нитриты, нитраты, хлориды, ионы калия и марганца.¹³

Мнение

«Газета Кемерова»: *«В пятницу и субботу в Кемерове и Новокузнецке метеорологи зафиксировали превышение уровня загрязняющих веществ в воздухе. Повышенное содержание сажи синоптики связывают с печным отоплением частного сектора, а наличие диоксида и оксида азота, а также оксида углерода — с выбросами отходов промышленных предприятий и безветренной погодой».*¹⁴

Природа под угрозой

14% территории Кемеровской области составляют заповедные территории с разным охраным статусом. Самый известный заповедник — «Кузнецкий Алатау».

На территории «Кузнецкого Алатау» организована мониторинговая сеть по контролю и оценке жизненного состояния лесов.

Специалисты Росприроднадзора оценивают состояние природы в заповеднике по модельным деревьям. В ходе работ они определяют содержания серы и тяжелых металлов в хвое кедрового и пихты сибирской. Согласно полученным данным, индекс жизненного состояния обеих пород на большинстве пробных площадей соответствует поврежденным и сильно поврежденным лесным биогеоценозам. Многие модельные деревья уже погибли.

Для обеих пород отмечено большое количество пожелтевшей и усыхающей хвои, поражение древесными насекомыми и грибами, что может быть связано с длительным и высоким загрязнением окружающей среды в охранной зоне. В пробах хвои установлены превышения предельно допустимых концентраций серы в 6-7 раз во всех пробах, а также цинка в некоторых пробах.

Практически на всех площадках, где оценка производилась по уровню асимметрии листовой пластинки березы, в этом году состояние окружающей среды оценено как критическое.

Кроме «Кузнецкого Алатау», на территории Кемеровской области находятся еще 20 природных охраняемых территорий. Однако при оценке угроз для их существования специалисты Росприроднадзора говорят о возможности разработки разрезов рядом с заповедными лесами. Такое освоение увеличит и без того сильную антропогенную нагрузку на нетронутые хозяйственной деятельностью леса Сибири.

Обращение с отходами

Как уже отмечалась, область лидирует по количеству отходов, и это неудивительно. Разработка угля ведет к образованию отвалов, а дальнейшая переработка к промышленным отходам, которые почти не утилизируются, а сваливаются на промплощадках.

Динамика образования отходов такова: 1753 млн тонн в 2007 году, 1764 млн тонн в 2009; 2049 млн тонн в 2010; 2388 млн тонн в 2011; 2643 млн тонн в 2012 году. С 2007 по 2012 год объем отходов вырос на 52%, а доля использованных и обезвреженных сократилась на 25%.

В России до настоящего времени большинство предприятий в решении вопросов загрязнения окружающей среды руководствуются принципом “end of pipe”. Этот подход предполагает использование очистных сооружений в конечной стадии производства, в то время как основным средством снижения объема отходов должно быть превентивное подавление, т.е. применение таких технологий и установок, которые характеризуются минимальным количеством выбросов и сбросов.

Накопление многотонных промышленных отходов должно заставить решать задачу переработки вторичного сырья – разработки так называемых «техногенных месторождений». Классическим примером таких месторождений являются отходы металлургической и горнорудной промышленности юга Кузбасса (шлаки, шламы, хвосты обогатительных фабрик).

Отметим, что лишь 2% потребляемых минерально-сырьевых ресурсов превращается в конечную продукцию, а остальные 98% представляют, по существу, отходы. Их переработка является первоочередной задачей экологически устойчивого развития как в мире, так и в Кемеровской области.

Рост нерекультивируемых земель на фоне увеличения объемов добычи угля объясняется значительным приростом доли открытых разработок, удельный вес которых в Кузбассе достигает 70-80%.

Три года назад статистика утверждала, что из оборота в Кемеровской области каждый год выбывает 1,0-1,5 тысяч гектаров, а восстанавливается 200-300 гектаров. В 70-80-х годах прошлого века темпы рекультивации опережали выбытие земель.

Мнение

Вал. В. Сенкус, В.Г. Климов, В.В. Сенкус, Новокузнецкий филиал-институт Кемеровского государственного университета: «В настоящее время появилось много частных контор, которые якобы занимаются рекультивацией нарушенных угледобычей земель, но на самом деле потихоньку с бортов скребут уголь списанных запасов, не имея ни техники, ни питомников, чтобы обеспечить реальную рекультивацию земель, нарушенных открытой угледобычей».

По мнению Юрия Манакова, раньше существовало несколько десятков компаний, которые были способны провести качественную рекультивацию. Однако когда угольные предприятия стали коммерческими, большинство фирм по рекультивации вошло в состав угольных компаний. Естественно, что головное предприятие заинтересовано в снижении затрат на восстановление почв. На фоне

того, что местные контролирующие органы практически лишены полномочий, компании проводят формальную рекультивацию, и их целью стоит отчетность, а не возвращение земель в хозяйственный оборот.

Разрабатывая проект по рекультивации, специалисты создают систему мониторинга за состоянием окружающей среды в ходе добычи и пишут, что восстанавливать сельскохозяйственные земли смысла нет, а можно посадить березы, и через 20 лет растительность восстановится сама. Однако когда едешь по отработанным отрогам карьеров, очевидно, что выработки сами не зарастают и не восстанавливаются.

По словам Манакова, в Кузбассе существуют прекрасные наработки по восстановлению земель, но они востребованы несколькими компаниями, которые поставляют уголь в Европу. Экологические мероприятия их обязывает проводить покупатель, в то время как внутри страны это никому не нужно.

Право угля

Экологическая ситуация в Кузбассе довольно хорошо представлена в отчетах профильных ведомств, Роспотребнадзора и Росприроднадзора. Сообщения о выбросах, загрязнении почв и кислотных дождях можно найти в местных газетах и онлайн-изданиях. Однако, несмотря на кажущуюся понятность ситуации и необходимость коренных изменений в экономике области, все остается по-прежнему.

Местные власти низшего уровня: поселковые, районные, городские, надзорные органы и власти области продолжают действовать, исходя из догмы «уголь наше все».

Многие поселения в Кузбассе возникли недалеко от шахт. Но на смену шахтам пришел более дешевый способ добычи — открытые карьеры, а система поселений не изменилась. Около 80% жителей области живет на угле или в зоне воздействия угольных разрезов.

Согласно Конституции России, граждане страны имеют экологические права. Три основополагающих из них — доступ к достоверной информации о состоянии окружающей среды, доступ к чистой окружающей среде и право на компенсацию вреда здоровью и имуществу, причиненного плохой экологической обстановкой.

Как уже отмечалось, с доступной информацией в Кузбассе все относительно хорошо. Дело здесь в существовании значительной группы экспертного и научного сообщества, сосредоточенной в учебных заведениях области. Научные работы и мониторинг окружающей среды есть, несмотря на то, что фактически властями эти данные не востребованы. Существование экологических проблем констатируется, но не признается.

В первую очередь отрицание проблем происходит на низовом уровне, когда начинают разработку угля вблизи жилых домов. Подробные интервью с жителями таких поселений приведены в приложении к докладу. Из них видно, что контрольные органы не дают объективных заключений о состоянии окружающей среды и не подтверждают, что добыча угля загрязняет воздух, воду и почвы, а также создает повышенный уровень шума.

До начала разработки нового карьера, добывающие организации должны получить заключения

о том, какой вред разработка нанесет природе: сколько деревьев пострадает, сколько почв и источников питьевой воды будет затронуто. Кроме того, проект должен предусматривать отселение жителей из санитарно-защитной зоны карьера (при их согласии), проведение работ по минимизации ущерба для здоровья населения.

На деле же задача добытчика — снизить свои издержки на такие непрофильные работы. При этом за разработку проекта платит угольная компания, которая и пытается на бумаге прописать, что людей переселять не надо, деревья вырубаться не будут и природоохранные мероприятия не требуются. Одним из распространенных методов уменьшения издержек является подмена понятия «санитарно-защитная зона», предусматривающего расстояние от границ предприятия до населенного пункта не менее, чем в 1000 метров (СанПиН 2.2.1/2.1.1.1200-03 «Санитарно-защитные зоны и санитарная классификация предприятий, сооружений и иных объектов»), понятием «расчетная санитарно-защитная зона» с расстоянием в 400 метров.

По таким формальным экспертным заключениям власти выдают разрешение на разработку, и возникает конфликт. Чаще всего, как очевидно из исторической схемы расселения людей, вблизи нового карьера оказывается населенный пункт. Жители начинают протестовать против ведения работ. Однако по формальным заключениям экспертов их жизни и здоровью ничего не угрожает.

Бывают и курьезные случаи. Например, в документации ООО «Энергоуголь» на разработку одного из карьеров на карте не был указан существующий там поселок. Поэтому жители, которые оказались в 300 метрах от взрывных работ, не имели права на компенсации и переселение.

Как рассказывают жители поселка Алексеевка, рядом с которым начала добычу компания «Разрез Бунгурский-Северный», в экологической экспертизе проекта было указано, что на участке компании есть только кустарник, хотя на самом деле стоял кедровый лес.

Оспорить выданные заключения и сам проект разработки граждане имеют право, но фактически его лишены. Согласно закону, до начала работ вблизи населенных пунктов должны быть проведены общественные слушания, на которых стороны должны снять взаимные претензии. Приоритетным считается мнение жителей, условия проживания которых ухудшаются.

На деле же общественные слушания часто не проводят (или проводят в труднодоступном месте). Например, в поселке Казас представители угольной компании «Южная» приходили к каждому жителю в дом и пытались договариваться, подменяя таким образом понятие общественных слушаний частными беседами. Работы рядом с поселком Чувашка ведет ООО «Разрез Кийзаский», организовавшее общественные слушания 31 декабря в отдаленном населенном пункте. Как утверждают свидетели, часть местных жителей не пустили на слушания. Тех же, кого пустили — выставили через час под предлогом необходимости «помыть пол».

Речь о переселении заходит только в случае попадания домов в т.н. «расчетную санитарно-защитную зону». Жительница города Киселевска рассказала, как проходило переселение ее матери из дома в санитарной зоне. По ее словам, им обещали выделить квартиру сопоставимой площади, и они были рады возможности переехать в город, где есть водопровод и центральное отопление. Женщине сопровождала мать на любое подписание бумаг, опасаясь обмана, но все-таки получить желаемую квартиру не удалось. Директор шахты начал тянуть с покупкой квартиры, а потом вынудил подписать согласие на переезд в квартиру меньше и хуже. Жительница полагает, что по бумагам ее мать получила большую компенсацию, а часть денег осела в карманах у угольщиков.

На подлог при выдаче компенсаций указал и местный житель Сергей Шереметьев. Пытаясь остановить работу ближайшего разреза к деревне Алексеевка, он изучал документы и наткнулся в них на новую улицу, которой на самом деле не существует. Сергей предполагает, что это было сделано, чтобы выплатить компенсации несуществующим жителям несуществующей улицы в этой деревне.

Нередко вместо законных общественных слушаний компании договариваются с администрациями поселков и приступают к добыче. В этот момент жители начинают протестовать и обращаться в различные инстанции. Цель обращений — переселение из зоны ведения работ, выплата компенсаций, прекращение разработки вблизи домов.

Чиновники далеко не всегда готовы увидеть, что взрывы в карьерах разрушают печи в домах, не слышат повышенный уровень шума, не замечают угольную пыль и срубленные деревья. На месте многие представители власти сочувствуют жителям, но помочь ничем не могут — они считают, что надо добывать уголь.

Надо отметить, что в отсутствии законного регулирования работ, все зависит только от жителей. Например, ООО «Разрез Березовский Южный» озвучил намерение вести работы в 500 м от ближайших домов, а в т.н. «расчетную санитарно-защитную зону» попадают две улицы, включая школу. В деревне Березово сразу начались протесты и сборы подписей.

Люди пытаются отстоять хотя бы свое право на санитарную зону, чтобы разрез не подходил ближе чем на километр к жилым домам.

Активная позиция жителей, нежелание переезжать и стремление получить нормальную компенсацию могут привести к серьезным последствиям. Так в Казасе неговорчивых жителей начали «выдавлять» из поселка: ликвидировали школу, отключили электричество, поставили незаконные пропускные пункты на пути в поселок, ввели досмотр машин. Каждое ухудшение условий жизни заставляло часть жителей съехать и продать свои дома угольной компании «Южная». Однако несколько жителей все-таки остались в поселке и однажды их дома подожгли. Дело о поджоге до сих пор не раскрыто.

Намерение властей увеличить добычу угля создаст еще больше точек напряженности. Насколько протесты будут успешны, сказать сложно. Если под давлением общественного мнения власть выскажет ясную позицию и встанет на сторону закона, то, возможно, жители Кузбасса смогут сохранить свою среду обитания. Если нет, то и без того неблагоприятная экологическая ситуация в регионе и здоровье населения только усугубятся.

Отдельная угроза для жителей — вероятные техногенные землетрясения. Об этой опасности заговорили, когда в июне 2013 года в районе разреза Бачатский (ОАО «Кузбасразрезуголь») произошло крупнейшее землетрясение техногенного характера. Сила толчков в его эпицентре достигала 7 баллов, магнитуда 6,1. Из-за землетрясения пострадали около 500 домов, а общий ущерб оценивается в 1,7 миллиарда рублей. На техногенный характер землетрясения указывали сейсмологи Новосибирска. По словам пострадавших от землетрясения, помощь оказывалась выборочно и не покрывала расходов на ремонт домов. К сожалению, не удалось найти жителей, которые были бы переселены из-за землетрясения.

Местные власти и администрация разреза действительно выделяли деньги на ремонт зданий, но единой суммы или четкого механизма выдачи компенсации не было. Большие суммы получали те, кто работал на разрезе, а люди, не связанные с угледобычей, обращались к поселковым властям. Им также оказывали помощь, но не в полном объеме.

Землетрясение вызвало волну жалоб от населения на взрывы и пыль, летящую с разрезов. Однако, по словам местных жителей, проверяющие инстанции проводили замеры утром, когда нет ни взрывов, ни пыли. На основании этих данных был сделан вывод, что условия жизни вблизи разреза Бачатский соответствуют нормам.

Экология исчезающего народа

Горная Шория находится на юге Кемеровской области. Она вытянулась на 170 километров с севера на юг и на 100 километров с востока на запад. Здесь залегают уголь, а значит, присутствует постоянная угроза ликвидации поселков коренного народа шорцев. По данным шорских активистов, если в 1990е шорцев насчитывалось около 16000 человек, то к сегодняшнему дню осталось не более 5000.

Российское законодательство предусматривает создание Территориального общественного самоуправления (ТОС), которое отстаивает интересы местного населения. Через ТОС шорцы имели бы право согласования новых разработок угля. Однако, по словам шорцев, местные власти, поняв, что создание ТОС может усложнить им жизнь, создали квазиТОС, куда вошли по большей части чиновники и лояльные угольным компаниям представители коренного народа.

«Нам не дают что-то делать, жить своим укладом. Забота о малых народах — это праздники и выпивка. Вот вам и сохранение культуры», — говорит жительница шорского поселка Чувашка Валентина Борискина.

Она и ее соседи утверждают, что под воздействием угольных разрезов и предприятий из рек исчезла рыба, собирать ягоды и грибы нельзя из-за покрывающего их слоя угольной пыли. Отдельное неудобство доставляют взрывы на близлежащих разрезах. Это не только шум, но и разрушение домов, печей, хозяйственных построек. Ближайший карьер находится в 1,5 километра от деревни; о предстоящих взрывах жителей никто не предупреждает.

Шорцы считают, что сейчас еще есть шанс на выживание народа — при условии выделения земель, создания действующей системы самоуправления. В этом случае молодежь может снова заняться традиционными промыслами, вместо добычи угля и разрушения собственной среды обитания. Если же ничего не изменится, то через 20 лет шорский народ может исчезнуть.

Заключение

Кузбасс, или Кузнецкий угольный бассейн, — крупнейший угольный бассейн в России. На долю региона приходится около 60% всего угля, добываемого в России. Кузбасское сырье составляет 76% всего объема экспортируемого угля. В течение последнего десятилетия добыча угля и его экспорт значительно выросли, достигнув исторических максимумов.

Экологическая цена этого развития велика — это чрезвычайно высокий уровень загрязнения воды и воздуха, большое количество нарушенных и нерекультивированных земель, высокий уровень заболеваемости населения, а также растущая угроза исчезновения коренных народов. Так, например, более 90% источников питьевой воды в Кузбассе загрязнены. Одним из возможных последствий добычи угля являются техногенные землетрясения, которые могут нанести значительный экономический ущерб. Одно из таких землетрясений в 2013 году нанесло ущерб размером в 1,7 млрд руб.

Местные власти слишком зависят от угольных компаний, наполняющих бюджеты, чтобы справиться с катастрофической ситуацией в регионе. Местному населению крайне трудно добиться выполнения своих требований по защите окружающей среды в условиях, когда интересы властей и угольных компаний близки или совпадают.

Будущее региона зависит от продолжения активности местных жителей в сфере отстаивания экологических и экономических прав, а также от того, изменится ли политика местных властей. Кузбасс все еще имеет шанс на улучшение экологической ситуации в долгосрочной перспективе. Для такого улучшения потребуются диверсификация местной экономики, что включает в себя отказ от модели крайней зависимости от добычи угля и развитие альтернативных производств, не связанных с углем.

Приложение

Токмагашев Александр Иванович. Представитель коренного народа шорцев, поселок Казас. Угольная компания «Южная» начала разработку разреза в 100 метрах от поселка.

Я родился в Казасе 7 августа 1961 года. Отец мой получил квартиру как участник войны. Учился в школе в Казасе. В армию призывался оттуда. Вернулся. Казас я исходил весь вдоль и поперек. Дарами природы кормились. Рыбу ловили. Грибы, шишки собирали. Сейчас у нас там ничего не осталось.

Все началось в Казасе в 2012 году, когда угольная компания «Южная» приехала туда первый раз. Они ходили по домам, по дворам — предлагали жителям продать свои дома. Я с ними встретился в первый день у своего двоюродного брата. Они там сидели. Я зашел, поговорил с ними. Я спрашиваю: «Почему вы начинаете сразу с обхода деревни, подворовый обход получается». Разговаривают отдельно с хозяином дома.

Раньше, когда наши родители жили, приезжали представители разрезов: Междуреченского, Загорского, Сибиргинского. Они собирали всех жителей в клубе — у нас был клуб — разговаривали, предлагали: хотите, построим деревню для вас или дом, квартиру, кто хочет в город переехать.

Наши родители от этого отказывались, не хотели никуда уезжать — потому что места родные, родились там. Отказывались постоянно. А что тут началось, почему они приехали, подворовой обход начали, не собрали жителей?

Я им вопрос задаю: «Почему вы так начинаете? Вы должны были прежде собрать сход жителей поселка Казас, дать подумать, а потом ходить по дворам, расспрашивать». Они меня спрашивают: «А ты кто такой? Почему ты за весь Казас отвечаешь? Ты за себя ответь только». Я говорю: «За себя я всегда отвечаю. Я за весь Казас почему говорю: потому что я родился в нем и вырос. Это мой родной поселок». Они вот так, получается, мне рот затыкали.

Нам предлагали продавать свои дома — индивидуальная купля-продажа. А мы же голосовали в декабре 2012 года. Нас собрали на сход жителей поселка. Я и не знал про этот сход, мне брат двоюродный сказал, Владимир Петрович Токмагашев: «Что, Саш, не идешь? Собрание сегодня, голосование будет». Я говорю: «Мне никто не звонил, никто не говорил». Пошли. Собрание начинается сразу.

Когда собственники голосовали — хотя у меня в доме три человека — они не приходили, их никто не звал голосовать. Должны были голосовать только собственники. А в то время собственников, у кого в собственности земля, дом, в Казасе еще было мало.

На собрании у нас 36 человек было: 28 проголосовали за переселение. Мы голосовали — там бумага была — за вынужденное переселение, не просто индивидуальную куплю-продажу, а вынужденное переселение. Люди за это голосовали: 28 проголосовали «за», 8 — «против». Я был против.

После этого я ходил на прием к Иванову. Он тогда был и. о. — наш мэр, глава города. Я эти вопросы поднимал. Он мне: «Я сейчас не знаю, но я этим вопросом займусь, бумаги подниму». А потом мне от него приходило уведомление, ответ. Там черным по белому было написано, что мы голосовали за вынужденное переселение, не за индивидуальную куплю-продажу, а за вынужденное переселение. При вынужденном переселении разрезы обязаны были выплатить нам компенсацию. Там много чего при вынужденном переселении.

При индивидуальной купле-продаже логика такая: я не хочу жить — я продаю и уезжаю. Это легче. Они переделывают так. Мне бумага была официальная. Иванов был и. о. Я эту бумагу отдал, когда брат продавал свой дом, отдал ему. Он ее потерял. Я с нее ни ксерокопии, ничего не сделал. А потом ходил в администрацию. Они уже переделали: не вынужденное переселение, а просто переселение. Мы голосовали за вынужденное переселение, когда сбор был.

Я к Иванову три раза ходил на прием. Последний раз мы, собственники поселка Казас, ходили к нему 26 января 2015 года. Он обещал нам: создадим комиссию, по Казасу будем работать. А по Казасу ничего не делается. Все задним числом делают, бумаги, отписки, отсылают в область. Область в Москву докладывает: по Казасу все нормально, вроде.

Сначала разрез начал потихоньку работать. В то время по Казасу сделали какие-то улучшения: нас раньше на «Урале» возили с моста, а дали автобус — автобус два раза ходил: утром и вечером, а сделали еще один в обед.

Потом освещение провели по деревне, на каждый столб, чтобы ночью свет горел, а то темнота же. Воду начали возить — а то нормальной питьевой воды не было; из колонки вода постоянно грязная бежала. И до этого Междуреченский разрез нам гадил, и они подошли — и всю воду грязную в речку Казас, которая через наш поселок протекает — туда все сбрасывали. Вода вообще черная бежала.

Разрез нам воду начал возить. Какие-то улучшения пошли. Пообещал: коренным жителям — шорцам, казасовцам — привезем бесплатно уголь. Точно не буду говорить, сколько тонн обещали, но, благотворительный уголь, три тонны, четыре тонны, говорили, привезем. С этого обман начался — никому уголь не привезли потом.

В 2012 году они начали. 15-й дом сгорел — Костракова Юрия Ивановича — 26 ноября 2013 года. Подожгли дом. Если бы правоохранительные органы хотели бы найти того, кто совершил это преступление, нашли бы. Там и следы были. Они же сели в машину и через контрольный пункт проезжали, чтобы на Казас ехать. Там же камеры стоят — все фиксируется, записывается, какие машины проезжают.

По всем сгоревшим домам уголовные дела возбудили. Пять домов. У меня один дом остался — он цельный стоит. Три дома сгорело.

Первый дом сожгли. Сам сруб оставался обгорелым. Его весной разобрали, вывезли. Без ведома хозяина, без его разрешения.

Раньше мы в Казас нормально проезжали. Раньше, когда два КП стояли — сейчас который стоит и за мостом работал — они кого надо проверяли, не пропускали, а мы в Казас беспрепятственно ездили, никаких проблем не было. Потом КП за мостом убрали, а здесь остался. Как начались пожары, они начали проверять.

После того, как все наши дома сожгли, у них бдительность появилась, они начали проверять машины. У нас получается, все задним числом делается. Деятельность проявили, когда пять домов сожгли. И вот начинается: я еду к себе домой, собственник... Ладно они пришли посмотрели водительское удостоверение, в книгу записали — мы от этого не отказываемся. А почему я должен им багажник открывать? Почему они мои вещи проверяют? Сумки даже заставляют открывать.

Полицию вызываем — они полиции говорят: проезжайте, посмотрите, что они в Казасе делают, и обратно с ними выедете. Полицейские разве будут слушаться охранников, поедут нас сопровождать?

Там тоже разное было, с угрозами... Около наших домов разговаривали с Халимовым [гендиректором ОАО УК «Южная»]. Четыре семьи и я один был, восемь человек и я — девять человек получается. Разговор шел, чтобы продавать дома. Мы не соглашаемся продавать. От него были угрозы. Все эти угрозы задокументированы. Полицию вызывали, опрос сделали. Он сказал, что ваш, соседский дом приедут сносить трактором, случайно ваш дом зацепят-снесут или заборы поломают, или дом ваш может сгореть. Это непосредственно 48-му и 33-му дому угрозы были. Свидетелей вызывали, они подтвердили в полиции: два человека из Кемерово, они в Казасе были, два человека из Междуреченска, двое с Мысков и я.

Остальным угрозы были, но они никуда, правда, не обращались. Потому что запугали людей, боялись люди, что останутся без ничего. Мол, дом не продашь, без ничего останешься.

Я говорю: я и был без ничего, гол, как сокол, а обогатиться деньгами за счет казасцев я не хочу. А сейчас в газетах как про нас пишут, например, в газете «Аргументы и Факты» пишут, что это неправда, что его очернить пред людьми хотят; что мы за счет этого хотим обогатиться. Пишут, что люди продали дома и купили в Мысках, в Новокузнецке хорошие дома купили.

А кто купил в Новокузнецке? Еще никто не покупал в Новокузнецке. В Мысках да, купили, в Междуреченске продали, купили. На эти деньги в Кемерово хорошие дома можно было купить. Я, например, в Кемерово не собираюсь ехать и жить там. Я здесь родился и вырос.

Халимов прислал мне бумагу — он оценил мой дом: три комнаты и кухня, дом хороший, большой и огород девять с половиной соток — он оценил, что не получается девяносто тысяч за дом с огородом. Мол, такая остаточная цена моего дома. А он, в то время, предлагал мне два миллиона пятьсот тысяч. А если взять реально, то мой огород стоит в пределах десяти миллионов — он ведь не учитывает, что у меня плодородный слой почвы, чернозем.

У меня пожарники электричество отключили, когда дом горел. Я ходил, просил, они мне провода к дому натянули. А внутри у меня все сгорело: надо было электропроводку, счетчик менять. Я этого ничего не делал.

В конце концов продали все жители, считай. Нас осталось пять собственников, у кого дома сожгли.

Сейчас у нас девчонки-сироты судились. Они в 35-м доме жили, дети-сироты вдвоем остались. Они с ними вели переговоры, чтобы купить их дом. Им дали задаток сначала 1,1 миллиона, что ли. Позже те дома, которые в Казасе продали, разрезовские трактором сносили. Их дом тоже снесли. А потом у девчонок требовали вернуть те деньги, задаток, мол, мы с вами дело не хотим иметь, и подали на девчонок в суд — чтобы они им деньги вернули.

Мы судились больше восьми месяцев. Мы ходили в суд как свидетели, доказывали, с разрезом судились. Разрез на них подал иск в суд после того, как снесли дом и вывезли землю. Ладно бы, если бы не снесли дом и не вывезли землю. А так у девчонок ничего не осталось. Сам Халимов на суд ни разу не приезжал, только его юрист, Дмитрий Быков, кажется.

Мы выиграли этот суд, они девчонкам доплатили до той суммы, до которой договорились.

Как подмена (вынужденное переселение заменили на добровольное) произошла, я сильно не понимаю. Но документ же весь через администрацию города проходил?! Мы голосовали за вынужденное переселение, а они сделали, что индивидуальная купля-продажа. В область доложили губернатору, губернатор — в Москву. Вроде, все хорошо, нормально, все радостные и довольные, продали свои дома, уехали из Казаса.

Несмотря на то, что мой дом сгорел, я еще его собственник, все бумаги у меня есть. Правда, я прописаться туда не могу, потому что там все сгорело.

Я не скажу, что разрез хочет. Он вокруг Казаса весь лес вырубает, там бригада работает. Мы обращались в прокуратуру, куда только не обращались. Никаких сдвигов в нашу пользу нет, ничего не делается. К главе города три раза ходил. К начальнику полиции обращался лично; у его заместителя несколько раз был. К начальнику уголовного розыска заходил. В полиции в каких только кабинетах я не был, начиная от участкового и заканчивая начальником полиции.

В последнее время часто не бываю в Казасе, но езжу посмотреть.

Сейчас в СМИ преподносят, что это вымирающий дачный поселок, жителей мало. А какой он дачный, когда он жилой поселок был.

Разрез хотят расширить, они уже близко к Казасу подошли. Так близко от поселков нельзя взрывать и уголь добывать.

Он сказали, что под поселком угля нет. Разрез может всякое сказать. Сейчас лес вырубается вокруг поселка Казас. Такой лес вырубается! Там же кедр вырубается! Понимаете, кедр! Кедр десятилетием выращивать надо. Мы ведь, шорцы, кедровыми шишками, лесом, рыбой жили. Мы и в прокуратуру обращались, что кедр вырубается; ездил я с полицией — показал, где это.

В феврале представители ООН приезжали к нам. Это мы обратились. Потому что права здесь везде нарушаются. Никто ничего не делает по Казасу. Мы обратились в их офис в Москве. Они приезжали к нам.

Они в администрацию не сообщали, что едут. Приехали. Мы встретились на квартире с ними. Поговорили. Обсудили. Показали бумаги, какие у нас есть. Хотя мы им в электронном виде выслали. Поговорили и решили ехать в Казас на нескольких машинах.

Когда ехали в Казас, позвонили главе города, Иванову, что приехали представители ООН, которые хотят с вами встретиться как с главой города. Он отказался с ними встречаться, сославшись на то, что его нет на месте, хотя он был в администрации.

Приезжаем мы в Казас. На КП охранники нас не пускают. Мы едем несколько человек собственников, у нас с собой все документы — оригиналы — и нас не пускают.

Потому что мы с представителями ООН ехали. Ладно, мы поехали в сторону Чувашки. На дамбу заехали, напротив Казаса, и они с дамбы посмотрели, сняли один дом. Потом поехали в Чувашку. В Чувашке они ходили, немного снимали. А потом уехали.

После этого мы с Чувашки заезжаем домой. Глава города присылает нам представителя Миграционной службы, проверить документы. Полиция снимает представителей ООН, и мы съемку ведем. А потом нам говорят, что представители ООН приезжали как частные лица, что их никто не вызывал. Они что думают, что их администрация должна была вызвать? Мы их вызвали, пострадавшая сторона.

Что будет дальше, я не знаю. Я очень устал. Здоровья нет. Боремся, как можем. Тут ведь не только наша история. Тут и чувашинские пытаются земли вернуть, Сельский совет. Конечно, Сельский совет не дадут вернуть. Ездил на собрание — нам сорвали собрание: пьяные выкрики какие-то были. Попробуем новое собрание организовать — территориально-общественное самоуправление создать.

В Чувашке Валентина Егоровна с людьми пыталась организовать это — не получилось. Получается, что мы, коренные жители, шорцы, не имеем своей земли. Раньше был Сельский совет — простой Сельский совет, потом Национальный сельский совет, потом Национальный упростили. Сельский совет хотя бы как наши права отстаивал, за нас стоял. Я думаю, что Сельские советы закрывали для того, чтобы разрезы здесь открывать.

Кийзасский разрез как открылся? Он начал работать незаконно. Вырубали лес, строили дороги через областную трассу, сейчас еще возят уголь. Хотя они не имеют права возить через областную трассу Кемерово — Междуреченск.

Сейчас только строят теплотрассу через дорогу. Они прежде должны были через дорогу теплотрассу построить. А потом только возить уголь. Здесь, в поселке, где у них склады были, все загадили, чего только не делали.

Летом я ездил к теще в Чувашку, огород копать, картошку окучивать. Вода грязная, когда купался на речке. Летом, в ясную погоду, у нас речка никогда грязной не была. В Казасе гадили, грязная была, а выше, в Чувашке, речка никогда грязной не была. Весной она грязная.

Интервью с Валентиной Борискиной, шоркой из села Чувашка. Разрез «Сибиргинский» принадлежит ОАО «Мечел».

Я родилась и жила в Шодрово. Там было ВД 30/4 — предприятие, колония поселения, лагеря. Потом лагерь закрыли, когда вырубали лес. Нам отключили линию электропередачи, а мы, шорцы, все равно жили там. Закрыли фельдшерский пункт, закрыли школы, магазин. Шорцев бросили на произвол судьбы. В школу дети ходили в поселок Тоз, двенадцать километров, зимой по речке, летом по тайге. Так мы жили, мучились. Ни заработков, ни учебы.

Мы вынуждены были переехать в поселок Тоз, который ниже на двенадцать километров. Бросили дом и огород. Скотину под нож — иначе куда ее? Переехали. Родители купили дешевенький домик и стали там жить. Примерно в 1956-1957 годах такая же история произошла с поселком Тоз. Вырубали лес и лагерь закрыли.

Я закончила семилетку. Работы и учебы нет. И поехала я учиться в Новокузнецк. Поступила. Жила на стипендию в 20 рублей. Снимали жилье — не было общежития.

Мы, шорцы, внутренне закрепощенный народ, стеснительные, немногословные. Нехорошее отношение к шорцам, и я, и мои дети прошли через это. Старший сын стал заниматься спортом — надоело, что унижают, оскорбляют. К нему потом стали по-другому относиться.

Эти лагеря принесли нам алкоголизм, разврат, болезни. У шорцев на алкоголь нет иммунитета. У нас начался туберкулез, венерические, раковые заболевания. Цивилизация принесла нам свет и все плохое.

Помню, родители говорили, в царское время шорцы жили хорошо. Их уважали. Они работали. Шорцы славились своими кузнецами. Изготавливали орудия труда и оружие.

Почему мы постепенно деградируем и вымираем? Потому что шорцы народ не кочевой. Шорцы — оседлый народ и миролюбивый народ.

Хочу отметить, что официальная статистика не признает исчезновение шорцев. По последней переписи шорцев девять тысяч человек, но результатов ее нам не дали. Я бы хотела посмотреть, где у нас столько шорцев. По моим прикидкам, в лучшем случае тысячи две на Кузбассе.

Я поясню, зачем власть завышает цифры. Если мы захотим провести референдум по какому-либо серьезному шорскому вопросу, то подсчет голосов будет вестись и приниматься решение, исходя из официальных девяти тысяч шорцев. А откуда мы этих людей возьмем, если столько шорцев в принципе нет.

Сейчас у нас огород свой и дом, но земель, закрепленных за народом, нет. У шорцев все территории забрали. С 1992 по 2002 год у нас существовал Национальный сельский совет. В 2004 году изъяли земли, которые входили в этот совет. Не поставили в известность. Не спросили шорцев. Мы даже не знали.

Я пришла в магазин за хлебом — вижу вывеску, что мы теперь просто Сельский совет. Потом узнали, что все земли изъяли. Сельского совета не стало, ликвидировали его в 2006 году. Без референдума, без собрания, без схода. Получается, что шорцы — никто. Шорцам даже Территориальное общественное самоуправление (ТОС) не дают.

ТОС — форма общественного управления, предусмотренная российским законодательством с тем, чтобы дать возможность местному населению участвовать в управлении. Однако на деле власти не позволяют создать ТОС, которое выражает противоречащее власти мнение. Так случилось с шорцами. По словам юриста, который помогал в создании ТОС, местные чиновники вошли в совет планируемого ТОС и перекрыли всякую возможность для возражений. На бумаге ТОС есть, а своей функции оно не выполняет.

Сибиргинский разрез появился в семидесятом году, в советское время. В то время никогда никого не спрашивали. Надо для государства открывать предприятия, организации — значит, открыли карьер.

В конце 2012 года в газете «Контакт» я прочитала, что идут торги земель под предприятия, именно здесь. Думаю, значит, за нашими спинами идут уже игры. Все перероят, и нам опять переезжать. Так, что ли?

А в начале 2013 года мы случайно узнали, что начали строить Кийзасский разрез. С апреля 2013 года пять месяцев мы пикетировали, требовали прекратить работы, согласовать с нами.

Зимой поехали на Кийзасский разрез, посмотрели, провели съемки. У них импортная техника. Валят строевой лес, кедр.

До нас, они пишут, пять-семь километров. Это если по дороге ехать, а напрямую — полтора километра.

Кийзасский разрез начал работать в четырнадцатом году без правоустанавливающих документов. Они начали добывать уголь, а почему? Потому что очень выгодно, сдвинули верхний слой — вот тебе уголь.

В день четыре-пять взрывов. У меня на втором этаже потрескались стены веранды, дом трясет, падает штукатурка. Тротил и селитра — все оседает на огород.

По словам Виктора Клеутина, который работал буровиком на разрезах Кузбасса, сейчас применяется самая варварская технология взрывов — 30% взрывчатки выкидывается в атмосферу, а это тротил. Тротил разлагается двадцать пять лет.

Взрывчатку в процессе работ ничем не забивают. Во время взрыва забойник лежит внизу, он взрывается, и за ним остальная взрывчатка. Но за эти доли секунды часть взрывчатки успевает взлететь в воздух, не сгореть, а осесть на землю.

В 2013 году провели исследования у профессора Яблокова. Он приезжал к нам на семинар. Прочитала его труды о состоянии нашей окружающей среды: почва заражена, воду пить нельзя, почву обрабатывать нельзя.

Поэтому у нас картофель поеденный, урожай слабый, оранжевый налет на малине. В таких условиях мы живем.

В речке даже купаться нельзя. Потому что в прошлом году плыла дохлая рыба. Сказали, что это такое природное явление. А у нас в верховье добывают золото. Говорят, что при добыче применяют ртуть и цианиды.

По словам Виктора Клеутина, возможности провести объективную экспертизу воды нет. Ведомственные лаборатории выдают результат, что вода хорошая, а независимая экспертиза стоит дорого, и провести ее сложно.

Выпилили весь кедр. Шорцы всегда собирали кедровые орехи.

Конечно, по мере возможности, люди держат здесь и коров, и коз — все, что могут. Но это все проблематичнее становится делать. Все пастбище отдали под строительство.

Город Киселевск весь окружен шахтами и разрезами. Жители уже привыкли к разработкам и взрывам. Реагировать на действия угольщиков начинают в самом крайнем случае. Так было с разработкой разреза шахты №12 (ЗАО «Стройсервис»). Однако в 2012 году взрывные работы на разрезе стали производить в ста метрах от жилых районов Киселевска, и начались протесты. Рассказывает очевидец событий, жительница Киселевска Татьяна

Про Бойню [район Киселевска]. Они там рыли-рыли, нас не трогали, нас не касалось. Они начали там взрывать. Ну мы тоже как вроде бы не против, ну решил разрез — взрывайте.

А потом уже, когда люди начали возмущаться, жаловаться, их стали сселять. Кого сселили на квартиру, кому денег дали на покупку. Они конкретно, официально отселяли.

А потом они уже сюда-то пошли, к нам. Нас сначала не пугало: ну роют и роют. А потом, когда взрывы уже пошли, взрывать начали, вот тогда уже наши дома заходили ходуном.

Каждый день взрывали, конечно, активно. Такие взрывы были сильные, как будто у нас вообще землетрясение, все ходуном. Мы пошли к директору.

Пыль-то, копоть, когда взрывают, поднимается. Облака пыли есть, но нас больше всего волновало, что наши дома рушатся. Пошли трещины. Лопаются, стены лопаются. Они построены, дома, в 1950-х годах, старые уже дома. А нам сказали: «А надо было фундаменты лучше ставить» — 50 лет назад, да?!

А потом они как-то здесь не стали взрывать, им другое поле отдали: сейчас они там работают, а у нас тишь.

Ну, роют и роют, не мешают. Так-то сселять нас не сселяют. Люди утепляют, ремонт делают. Самым ближайшим к разрезу домам давали квартиры. Мы бы тоже согласились, но нам не предлагали.

Ну, в принципе у меня нет особо желания сейчас переселяться. Продавать я не буду. Наш [район] старый. Остановка очень далеко от нас, школа далеко, и магазина в поселке нет. Это мы привыкли, а кто переезжает из другого района города — «о-ой, как далеко».

Взрывы остановили. Мы целый год боролись. Вы знаете, это же через Кемерово все делалось, через область. Это здесь сколько написали и туда, туда. В Москву писали, оттуда ответа ждали. Знаете, к нам даже приезжали с 1-го канала, «Дежурная часть» — мы до нее дошли.

У них документы были законные, но мы-то попали в зону. Они должны километр по закону, а километр — это до Стадиона. Мы им даже сказали: «Ну вот, хотя бы отселите на 440 метров». Мы сами ходили, метрами меряли. Но они же не стали этого делать, они расселили четыре дома, и все, на этом остановились.

Мы какие требования выставляли: вы нас уберите, если вам надо уголь, и делайте, что хотите. Или прекращайте работы, пока вы нас не сселите. Ну они прекратили работы, им запретили.

Они уже в 2011 вовсю тут рыли, а на Бойне начали раньше рыть — там дорогу передвинули. Дорога была там, потом сдвинули, стали сселять людей. Ну, с того края все началось. Потом раз, и здесь сселили... передвинулся разрез, дорогу дальше поставили. Они ближе подошли. И потом, когда через эту дорогу камни начали лететь, уже начали там сселять.

«Сел и поехал» — нет такого желания. Не взрывали бы, и ладно.

У нас вообще ужас что творится: у нас одни разрезы кругом. Вот гора, 12-я шахта успела навалить.

Когда мы сюда переехали, хорошо было. Вообще разрезов никаких не было. Вот туда поедете, там облепиха росла, ходили. Домов еще было меньше, потом стали строиться люди.

Раньше мы жили у шахты Краснокаменская. Она открылась, уголь добывают, и он падает. Пыль там такая, и нас оттуда сселили. Мы здесь купили дом. Здесь чисто было. Машин было мало. Речка у нас внизу там. Мы тут ходим, загораем летом.

Людмила Соколова, жительница деревни Костенково.

Приезжает Росприроднадзор, пошел по деревне, заходит вот через два дома от нас к соседке. А они недавно поставили рукомойник, но там от речки метров двести. И бабушка из рукомойника руки моет. Как на эту бабушку напустились!

«Вы почему загрязняете природу?» Чуть ли не штрафом ей грозят. Вот нашу грязную речку не видят, речка чистая. Ребята, смешно и плакать хочется. Ведь это люди, которые, простите меня, получают деньги за счет налогоплательщика.

А наша речка и сейчас периодически грязная бывает. Когда разрывают землю, там скапливается вода. Эту воду надо откачивать. По идее, ее надо откачивать через очистные сооружения. Ее откачивают напрямую в речку, хотя разрез уже работает.

Специально спросила на последних обсуждениях: «Когда будут очистные сооружения?» — «В 2018 году». А эта речка, она идет уже напрямую, в Чумыш. Костенково от нее пострадает. У нас же люди отдыхать приезжают на речку! Она вот прямо черная.

Конечно, когда мы пожалуемся, приезжает какой-нибудь проверяющий, и на некоторое время загрязнять прекращают. Речка очень быстро осветляется, вся взвесь садится на дно. Когда мы взяли этот участок, это была речка, в которой мой папа с детьми, внуками рыбу ловили.

Хорошую рыбку ловили, вот прямо спускались в огород. Речка была такая приличная. Мы даже там зону отдыха хотели сделать. Посмотрите, что это сейчас! Грязный ручей. Иногда очищается, иногда нет. Спустили пруды, которые были. Мы из-за этих прудов сюда приехали, а теперь там будет разрез.

Я точно знаю, что никому другого жилья не дадут. На последних общественных обсуждениях я прямо подняла этот вопрос. Вот этот перенос дороги включен в лицензионное соглашение. Они имеют право и должны переносить дорогу.

А вот отселение жителей из санитарно-защитной зоны нигде не прописано и не будет этого переселения. Просто санитарно-защитная зона 50 метров. Какую хотим, такую и сделаем.

Сначала они не собирались делить даже этот разрез Березовский на две очереди, они сразу его собирались копать до конца. Когда в прошлом году мы вот так очень резко начали протестовать, они все-таки сделали эту первую очередь в километре от границы села.

Я прямо задавала вопрос в прошлом году: «Ребята, а что будет со второй очередью, вы списываете эти запасы? Ну вы нам скажите заранее, покажите бумагу, что вы списываете». — «Нет-нет-нет, мы ничего не будем списывать». Сейчас он говорит немножко хитрее: «А мы решаем, что будет, когда вот дойдем вот сюда». Когда они сюда дойдут, нас здесь уже не будет.

Я, сожалению, отдала фотографии. Когда идут взрывы, проявляются трещины на стенах, трещины на печках. Вообще, когда сидишь в доме и раздается взрыв, не очень понятно, что делать: то ли это уже началось землетрясение, и нужно срочно выскакать. Каждый раз этот ужас переживаешь. Пыль столбом стоит. Вчера сидим с дочкой, я говорю: «Леля, я не поняла, я, конечно, сейчас вижу не так хорошо — а вот там что?» — «Мама, да это пыль, это пыль от того разреза, Восточного». Шум, ночной шум — спать невозможно. Ну не знаю, может, у меня такая нервная система, но когда так «у-у-у», никто спать не сможет.

Ребенок, и тот реагирует. Вот этот младший у нас, он особо чувствительный какой-то. Те пугаются, но ничего, они постарше. А у младшего сразу вот такие глаза делаются. В прошлом году, когда мы днем спали (взрывы же днем идут), он у меня просто подскакивал на кровати.

Вы знаете, сердце кровью обливается, когда твой внук перепуган в детстве не тобой и не плохими людьми, а, простите, тем, что не должно пугать, а должно нас защищать. По крайней мере, государство должно нас защищать, а государство объединилось вот с этими товарищами.

В этом году бежит внук — я сидела на этих качелях, Володя стоял, раздался этот мощный взрыв, и Ромка бежит в ужасе: «Что это?» Ребенок не понимает, почему среди бела дня такой шум при чистом небе грохочет. Приходится врать: «Да, Ромушка, это просто гром». — «А где дождик?»

Он еще маленький, старшие уже понимают, очень настроены отрицательно, потому что у меня здесь выросли дети. Мы тогда работали, дома еще на было, была только эта банька. Дети жили вдвоем, школьниками, и как-то у меня сын даже сказал: «Мама, я могу идти в партизаны, я тут все облазил». Теперь в партизаны некуда идти.

Вы сразу нарветесь на эту пыльную дорогу, которая там идет за фермой где-то, и от нее естественно, поскольку по ней огромные КамАЗы носятся, как-то там слегка отсыпано, — там просто все запылено.

Я не знаю, что будет, я знаю, что меня здесь не будет, потому что я хочу жить. Вот самое смешное, что будет: у них лицензия до 29-го года. На слушаниях, которые были вот полторы недели назад, они нам красивые планы представляют, что будет высажено 186 тысяч деревьев.

Когда? В 31-м году. Вы у нас видели разрезы, которые, простите меня, закончив добычу угля, начинали что-то делать? Да нет, конечно. И вот эти красивые сказки. Все слушания я просто смеялась. Я вот первый раз не выдержала, я Манозину, нашему главе, говорю: «Товарищи, ну не врите нам, я уже не могу, не врите!» Вы скажите: «Да, у вас в бюджете нет денег».

Отзовите лицензию. Там выпасы и покосы. У нас в прошлом году, если что, было 70 коров в деревне, в этом году осталось 50. А когда был колхоз, 800 коров кормилось на этих землях. Я уж не говорю об огородах. У нас, простите, цены растут хорошо в государстве.

Мы в прошлом году пошли собирать подписи. Собрали уже не помню сколько. И знаете, за каждым участком не один человек, а несколько. Мы просто задавали вопрос такой: «Сколько человек кормится с вашего участка, столько и пишите». Каждый заводит курочку, детям мясо, яйца отправляет. Поэтому тут не об одном человеке речь.

Я не считаю аргументом в пользу разреза рабочие места для молодежи. Они же эту молодежь и губят. Вот у нас 400 жителей, более 100 детей постоянно живут в деревне, а летом, вот на нашей маленькой улочке 12 детей отдыхают.

А мы куда повезем отдыхать этих детей, когда вот здесь уже на будущий год, я думаю, нельзя будет здесь находиться? Облака пыли идут с разреза. Они ж нам как аргументировали в 2011 году: «Ой, вам повезло, у вас ветры оттуда. Вот в Матюшино, на них ветры дуют с разреза, им тяжело». Я вам теперь скажу: «Ребята, у нас ветры поменялись! У нас по месяцам дует теперь северный ветер с разреза».

Второй год я не могу детям дать ягоды, я даже отмыть их не могу. Понимаете, это такая пыль, которая не домашняя пыль, ее фиг смоешь. Не зря же вот эти все силикозы у шахтеров, а теперь нам предлагают все эти профессиональные заболевания жителям тоже поиметь.

Мы письма в прошлом году писали и сейчас предлагаем принять пятикилометровую зону и не подходить ближе к поселку. У нас уголь, думаете, только рядом с селом? Он у нас и в тайге где-то есть, где будет для природы, может быть, тоже очень плохо, но хотя бы людей не уничтожит. Хотя бы людей.

Но там же нужно деньги вкладывать, а тут что? Дранный ФАП построили, и то только потому, что мы бороться начали. Если бы мы в прошлом году вели себя тихонько, не было бы ни этой игровой площадки, которую сейчас поднимают на знамя, не было бы этого ФАПа, ничего бы не было. А вот социальный центр, где могут жители собираться, строить не будут, потому что там могут прийти жители и сказать, что разрез — это плохо.

Рассказывает местный житель Сергей Шереметьев. Работы вблизи деревни Алексеевка и поселка Ананьино ведет ООО «Разрез Бунгурский-Северный»

В 2010 году началась подготовка к разработке месторождения вблизи деревни. Расстояние от жилых домов до разреза не более трехсот метров. Для разработки месторождения были вырублены деревья, а в перспективе вокруг деревни был бы срезан плодородный слой и загрязнены окружающие леса. Вести домашнее хозяйство было бы невозможно. Благодаря активным протестам местных жителей, сейчас работы на разрезе не ведутся, но никто не уверен, что все закончилось. Нет окончательного решения, есть только местные жители, которым больше негде жить.

Меня никакие условия не устроят. Я там вырос. Но, если такой вопрос встал, нужно всем как одному решать: стройте нам современный поселок, с экодумами, в экологически чистом месте.

В 2010 году, даже раньше, подошел, стал узнавать, когда они начали копать, потихоньку возиться. Представители разреза сказали, что в сторону деревни не пойдут. Ну, это в принципе нормально, там ниже деревень нет.

«Ребята, тормозите, так не пойдет. В сторону деревни вообще не вариант». Я так сказал, когда узнал, что будут валить лес в 500 метрах в сторону Алексеевки и в 600 метрах в сторону Ананьино. Нам удалось поднять шум, привлечь главу района. Валить лес перестали, но ненадолго. Вскоре мне позвонили соседи (меня тогда не было в поселке) и говорят: «Ты обалдеешь, где они поставили метки!» Приезжаю и вижу, что по этим меткам разрез захватит всю дорогу и часть леса прямо за деревней.

Стал звонить директору разреза, так как ранее была договоренность, что разрез оказывает помощь: чистит дорогу зимой, дает уголь. На Кузбассе это распространенная практика — разрез таким образом компенсирует жителям неудобства. Однако никакая помощь не поможет, когда разрез подходит вплотную к поселку. Там просто невозможно будет жить.

«Никакой помощи от вас не надо, сворачивайте деятельность свою». Я так сказал на собрании, которое организовали разрезовские, чтобы договориться. Мне женщина-депутат говорит, что, может быть, они нам взамен что-то предложат, но у меня к ним веры нет. Один раз уже договорились, а теперь разрез у нас под окнами собираются рыть. Пришли мои соседи и то же самое им заявили. Никому разрез не нужен.

Руководство разреза пояснило, что лес начали валить по ошибке. Лесорубы не туда зашли. Только эти лесорубы стали в первую очередь валить сосну, которую выгоднее продать. Вообще с лесом интересная история. Мы начали писать жалобы, что валят лес. Создали Комитет взаимодействия и запросили все документы. Стали их изучать, почему валят лес, почему так близко от деревни идут. Оказалось, что у нас тут не лес, а кустарник. Я знаю этих людей, кто разрезу такую справку дал. Они все время такое пишут, а этой экспертной фирмы уже не существует.

Год закончился тем, что в сторону Ананьино не идут. Мы со старшим в Ананьино, Василием Сергеевичем, прибили таблички «Поселок Ананьино».

Но позже разрез стал копать еще одну яму в сторону деревни. Зимой мы заявили пикет в городе, около администрации. Они засуетились. Назначили встречу в Алексеевке. Было собрание. Они уговаривали, что не надо никаких пикетов. Правда, раньше директор разреза мне сказал, что «мы все равно будем копать, хотите вы или нет, мы все равно это возьмем». Мы еще много раз встречались, пытались договориться о границах, но это им невыгодно. Пласт угля идет так, что копать надо ближе к деревне.

Так мы воевали четыре года с 2010 по 2013 год. Летом 2011-го мы продолжили защищать деревню, вбили метки. Разрезовские же их экскаватором переставляют. Раз так нагло, тогда мы пошли и стали вставать между экскаваторами и БелАЗами. Однажды было так. Звонит мой товарищ и говорит, что он с детьми стоит в зоне взрыва в разрезе. Ведь они, если взорвут, потом что угодно смогут придумать. Сколько можно терпеть. Разрезовские на него в суд подали. Ему присудили, что он допустил нахождение ребенка в опасном месте. Мы обжаловали и доказали в суде, что мы проживаем в опасном месте. Тогда ему удалось два дня не давать провести взрыв, а потом я приехал, и на меня разрезовские набросились: «Ты воду мутишь, взрыв не даешь провести». А за мной вышла вся деревня, и не было взрыва. Так мы воевали с 2010 по 2013-й.

Полиция не могла нам ничем помочь. Они только говорили, мол, подавайте в суд. А на каком основании подавать, если нарушения та же полиция не фиксирует?

Провели референдум по деревне. Из ста двенадцати домов приняли участие восемьдесят с небольшим. Семьдесят высказалось против разреза.

Я ходил в Земельный комитет, который, по идее, не должен допускать, чтобы разрез был так близко к деревне. Там сидит молодой парень и говорит, что у него семья и дети, ему их кормить нужно. Я его спрашиваю: «Вы рассчитываете, где ваши дети будут жить? Или вы надеетесь уехать отсюда за границу? Здесь-то что останется?» Одна женщина из администрации сунула мне телефон. Я позвонил. Мне женщина сказала, что мы молодцы, но документ уже подписали. Подписан отвод земли, несмотря ни на что.

В 2012-м я написал на имя Президента. На три месяца их остановили, они стояли. А потом они начали усиленно копать.

Мне отступать некуда. Я им говорил об этом. Пишу во все органы. Ответа нет.

Через какое-то время один чиновник приехал все проверять. Я его встречаю на подстанции и веду в лес с разрезовскими. Подходим к краю. Они трубы, из которых все текло, вытащили, мол, ничего не откачиваем, а трубы забыли убрать. И он стоит и смотрит на лес, который по документам

мелкий кустарник. Ответ пришел, что все нормально. Коррупция! Разрезовские утверждают, что растения, занесенные в Красную книгу, они после восстановят.

В 2011 году приезжал представитель из Кемерова. Но он сразу предупредил, что его отправили посмотреть, решать он ничего не будет.

Многие думали, что квартиры дадут из-за разреза. Ну, неожиданно я узнал, что у нас в поселке появилась улица Новая и вот жителям этой улицы и выдали компенсации. Похоже, что случись переселение, львиную долю средств, выделенных на это, хапнули бы жители улицы Новая, которой по сути нет.

А компенсировать или куда-то переселять пока даже не обещают. Затыкают рот в частном порядке.

Мне предлагали работать на разрезе. Какую-то должность придумать обещали, чтобы я деньги получал и ничего не делал. Квартиру мне тоже предлагали. Но я могу сказать, что пока я жив, тут не будет ямы.

Валентина Константиновна Бородина, жительница поселка Рассвет. Работы ведет ООО «Энергоуголь»

В 2009 году вблизи поселка Рассвет началась разработка месторождения угля открытым способом. Санитарно-защитная зона предусматривает расстояние в 1 километр от домов, хотя на деле и это слишком близко. Однако в Рассвете ведут взрывные работы, вывозят уголь, формируют разрез в 400-500 метрах от жилых домов. На законном основании получить разрешения на проведение таких работ нельзя, но в случае Рассвета они были получены. Дело в том, что поселок не указали на картах, на основании которых разрабатывался проект ведения работ. Получилось, что поселка нет, значит, есть формальная возможность вести работы вблизи домов. Причем не надо выплачивать компенсации и решать проблемы с жителями. Валентина Константиновна — одна из жителей Рассвета, которые пытаются отстоять свое право на нормальную жизнь. С 2009 года длится противостояние, но добыча до сих пор ведется.

Вы посмотрите, укроп крякнул. То есть земля становится марганцевой — как будто марганцем покрытая. Взрывы же постоянно бывают. Горох не растет. Ягоду мы уже перестали собирать. Потому что ее есть нельзя, на хранение оставлять нельзя. Выбросы огромные.

Я бы показала, как рушатся печи. Вот у нас бабушка с дедушкой — у них печь приняла форму параллелограмма. А у меня дом в аварийном состоянии внутри.

Раньше у нас водоемы были как аквариумы! То есть чистые водоемы! Нашим детишкам мужчины огораживали место для купания в речках, чтобы они дальше не лезли. А теперь негде купаться.

У меня ребенка привозили маленького, внука, 3 месяца. Они в 10 утра приехали на такси, в 8 вечера уехали. И когда вечером его стали купать, у него под ногтями черное. А он младенец, он никуда не ходил, он не мог запачкаться. То есть это все летит на нас. Только анализы-то они поставляют нам хорошие, потому что боятся.

Еще у меня от взрывов погреб обвалился. Мне землю завезли. Начальник их сказал, чтобы дали землю. Совесть-то надо иметь, на глазах у всех случилось.

Возят взрывчатку прямо по поселковым дорогам и нарушают скоростной режим. Автозправщик едет с полными цистернами — 40 тонн цистерна и 20 тонн машина, всего 60 тонн — через поселок. 1 мая позапрошлого года они столкнулись. Они могут возить уголь по своим дорогам, не заезжая в поселок, но так им ближе, экономят солярку свою.

Раньше у нас в окнах были стекла, мы могли их отмыть, а сейчас пластик, его никаким реактивом нельзя мыть. А еще остаются разводы. Я каждый день мою окна с той и с другой стороны.

Публичных слушаний не было. Они говорят, что публичные слушания — это как рекомендации. Для чего они тогда вообще существуют?

Куда мы только не ходили. И к Тулееву ездили. Я была в министерстве природопользования, в Москве, там наш прокопьевский парень работает, Фишер Володя, я долго там была, там форум экологический был, со всех регионов приезжали люди. Я к нему подошла. Он даже вопросы задавал, но поверхностно.

Санитарно-эпидемиологическое заключение делала какая-то кемеровская компания. Что тут скажешь. Они все обошли за каких-то четыре дня, даже за два дня, а два было выходных. Разве можно за этот срок взять пробу на каждом квадратном километре, как положено. Это им надо было 250 килограмм грунта таскать, чтобы заключение дать.

Кто-то говорит, что я 25 миллионов получила. Ну, если так, то я бы написала на своем доме, как в мультике про Простоквашино: «Живите, кто хотите, дом свободный». Кто рискнет сюда ехать?

Глава администрации района Мирошник приехал, когда сейсмическая активность вроде была. Смотрит, а понять никак не может. Уже все экологи мира говорят о том, что там газы скапливаются, когда они роют. И постепенно идет, идет, идет, и в каком-то месте прорывает. Ведь там нет ни одного разреза — а землетрясение. Я говорю, что все понимают уже, что это от того, что разрезы кругом. Пять разрезов вокруг, по пять участков.

Я звонила в Роспотребнадзор. Просила составить план, когда будут взывать. Чтобы я только звук слышала, а не дышала этим. Логинов предложил у доктора провериться на психическое состояние. Прямо открытым текстом: «Если нет у нее такой возможности, мы поможем». На учет к психиатру.

Прокуратура наша слепая, глухая, немая.

У Роспотребнадзора есть санитарно-защитная зона, а у разреза ее нет. Я решила действовать через них, пусть скажут, где санитарная зона должна идти. Сначала просто по-доброму хотели, просто на прием попасть к главному санитарному врачу России Геннадию Онищенко. Но нам отказали, попросили сдать жалобу в общий отдел. Потом ответили, что все нормально.

Путин иногда говорит вещи хорошие, но это все соломенные куклы, вранье все это с его стороны. Как можно сказать, что ты говоришь так, а они делают так. Коррупцию легко победить, очень легко. Просто-напросто ты, когда к тебе обращаются, вниз не спускай: зачем вниз по вертикали спускать? Скажи как президент: я сам разберусь. Во всех случаях не надо, а хотя бы в одном.

Сейчас я сужусь с районной администрацией. За то, что они позволили все это дальше. Загорская администрация — это игрушка в руках.

Библиографические ссылки

1. В администрации области состоялось совещание «Итоги работы угольной отрасли Кузбасса за 2014 год. Меры по улучшению состояния промышленной безопасности» [Электронный ресурс]. – Кемеровская область. Информационный портал. – 2015. – 11 февр. – Режим доступа: <http://kemoblast.ru/news/prom/2015/02/11/v-administratsii-oblasti-sostoyalos-soveshhanie-itogi-raboty-ugolnoj-otrasli-kuzbassa-za-2014-god-mery-po-uluchsheniyu-sostoyaniya-promyshlennoj-bezopasnosti.html>
2. Добыча угля. Основные показатели [Электронный ресурс]. – Министерство энергетики Российской Федерации. – 2015. – Режим доступа: <http://www.minenergo.gov.ru/activity/coalindustry>
3. Кузбасс остается базовым бассейном. Интервью с Анатолием Яновским, заместителем министра энергетики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Уголь Кузбасса. – Электрон. журн. – 2015. – №3. – Режим доступа: <http://www.uk42.ru/index.php?id=853>
4. Экология Кузбасса: цифры, факты, события [Электронный ресурс]. – Вести-Кузбасс. – ГТРК «Кузбасс». – 2015. – 11 февр. – Режим доступа: vesti42.ru/news/society/00021075/15
5. Рейтинг регионов по прозрачности бизнеса [Электронный ресурс]. – Интерфакс-ЭРА. – 2015. – Режим доступа: <http://interfax-era.ru/reitingi-regionov/prozrachnost-biznesa>
6. Демография [Электронный ресурс]. – Администрация Кемеровской области. – 2015. – Режим доступа: <http://www.ako.ru/Socsfera/demogr.asp?n=1>
7. Киселев, Максим. Врач-онколог о раке [Электронный ресурс]. – Сибдепо. – Электрон. журн. – 2015. – 4 февр. – Режим доступа: <http://sibdepo.ru/reading/vrach-onkolog-o-rake-vse-dumayut-chtos-nimi-etogo-ne-sluchitsya.html>
8. Помогите спасти реку! [Электронный ресурс]. – Человек и закон. – 2015. – 12 окт. – Режим доступа: https://vk.com/wall-76290911_2879
9. Мертвая рыба в Томи [Электронный ресурс]. – Форум туристов Сибири. – 2014. – 26 сент. – Режим доступа: <http://egiki.ru/forum/viewtopic.php?f=53&t=5508>
10. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2013 году. Государственный доклад [Электронный ресурс]. – Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. – М., 2014. – Режим доступа: http://rospotrebnadzor.ru/upload/iblock/3b8/gd_2013_dlya-sayta.pdf
11. Доклад о состоянии и охране окружающей среды Кемеровской области в 2014 году [Электронный ресурс]. – Департамент природных ресурсов и экологии Кемеровской области. – Кемерово, 2015. – Режим доступа: <http://ecokem.ru/wp-content/uploads/2015/03/ДОКЛАД-за-2014-на-01.03.2015-1.pdf>
12. Жилина Н.М., Кондратьева И.И., Чеченин Г.И., Винникова Т.Н. Анализ риска для здоровья населения от загрязнения окружающей среды г. Новокузнецка за 2007 год [Электронный ресурс]. – ЭКО-бюллетень ИнЭКА. – 2008. – № 2 (127). – Режим доступа: <http://ineca.ru/?dr=bulletin/arhiv/0127&pg=020>
<http://gazeta.a42.ru/lenta/show/povyishennoe-soderzhanie-pyili-otmecheno-v-vozduhe-v-kuzbasse.html>
13. Доклад о состоянии и охране окружающей среды Кемеровской области в 2014 году [Электронный ресурс]. – Там же. – с.17
14. Повышенное содержание пыли отмечено в воздухе в Кузбассе [Электронный ресурс]. – Газета Кемерово. – 2014. – 10 февр. – Режим доступа: <http://gazeta.a42.ru/lenta/show/povyishennoe-soderzhanie-pyili-otmecheno-v-vozduhe-v-kuzbasse.html>

